

воисточнике, во избежание искажений и модернизации терминов. Практику экспозиционно-выставочной работы призваны облегчить данные о сохранности вещей, оцененные по трехбалльной системе.

Текстовая часть каталога дополняется иллюстративным приложением, которое не просто «украшает» текст, чем нередко ограничивается роль иллюстраций в музейных публикациях. Большинство иллюстраций сгруппировано в таблицы, которые соотнесены с основной содержательной частью каталога, что позволяет не только наглядно представить вещи, но и продуктивно использовать текстовую и графическую информацию в различных видах исследовательской и музейной этнографической работы.

Формальное описание экспонатов в основном представляется четким, составленным по единой системе. Но в некоторых случаях в тексте каталога применяется не совсем корректная терминология (например, предметы, находившиеся на святилище, неоднократно обозначаются как «идолы» — 1986, с. 136—141 и др.), выделяется рубрика «Скульптурное искусство» (там же, с. 40), четко не соотносимая с предметами, объединенными в группы «Игрушки» или «Религиозный культ». Халат из рыбьей кожи характеризуется как верхняя одежда народов Амура без указания этноса (там же, с. 222—223).

Материалы о бытовом использовании вещей в противоположность формальным описаниям не всегда отличаются полнотой. Причем чаще всего авторы выявляют в качестве основной прагматическую функцию того или иного предмета. Отсутствие в ряде случаев сведений о знаковом аспекте бытования несколько снижает объективность описания, определяет его односторонность. Представляется, что классификация сфер проявления деятельности этноса, учитывающая деление на «хозяйство», «материальную» и «духовную культуру», при всей общеизвестной условности может быть приемлема в издании каталожного типа в связи с его специфическими задачами. Но в этом случае сведения о бытовании вещей желательно дополнить данными о способе бытования, т. е. и прагматической, и знаковой функций предмета, а также информацией о пространственном аспекте бытования, т. е. ареале распространения вещи, а не только месте ее сбора. Указание на временной и частотный аспекты, т. е. длительность и степень бытования этнографических предметов, также является немаловажным.

В целом же текст и иллюстративная часть каталога ОГОИЛМ основываются на скрупулезном изучении музейных коллекций. Именно детальный анализ материала позволяет продуктивно использовать данную публикацию в качестве источника научной этнографической и практической музейной работы. Создание каталога ОГОИЛМ — пример перспективного сотрудничества музейных работников и ученых-этнографов вне зависимости от их ведомственной принадлежности. И конечно, такой каталог имеет не только самостоятельную научную ценность, но и может рассматриваться как важный компонент единого этнографического свода музеев Сибири.

А. В. Коновалов

© 1993 г., ЭО, № 6

Early State Economics / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde. New Brunswick; London, 1991. 339 p.

Рецензируемый труд продолжает традицию цикла теоретических исследований о природе ранних государств¹, вдохновителем и редактором которых является известный голландский социальный антрополог, профессор и декан факультета общественных наук Лейденского университета Х. Клэссэн. В основу монографии легли материалы семинара по политической экономике ранних государств, состоявшегося 28—30 июля 1988 г. в рамках программы XII Международного конгресса антропологических и этнологических наук в Загребе.

Главная идея книги — проанализировать пути, по которым власть организовывала получение прибыли в раннегосударственных структурах, и каналы, по которым эти доходы реализовывались (с. 1). Сборник состоит из 12 статей, две из которых посвящены более общим вопросам экономики и общественного строя докапиталистических обществ, а в остальных обсуждаются конкретные примеры на материалах Африки (3 статья), Центральной (3) и Северной (1) Америки, Полинезии (2) и Азии (1). Две трети статей написаны на основе этнографических материалов, треть — на археологических. Хронологически выбранные примеры охватывают период с XII до XIX в.

Представленная выборка достаточно произвольна (на это сетуют и редакторы книги). Нет ни одного примера ранее XII в. Полностью выпали древний и средневековый Восток, античная и феодальная Европа, кочевой мир (частично этот пробел восполняется во «Введении» и в статье А. Соутхалла). В этом смысле информативность сборника несколько уступает первому изданию данной серии о «ранних государствах» или же книгам Л. Крайндера и Э. Сервиса о происхождении государства.

Для того чтобы связать статьи друг с другом, редакторы сборника Х. Клэссэн и П. ван де Вельде написали теоретическое «Введение» (с. 1—29), в котором поднимаемые в книге проблемы рассмотрены в более широкой исторической перспективе. Редакторы выделяют три возможных методологических подхода к экономике ранних государств (с. 3, 4): 1) «формалистский», согласно которому любые современные экономические теории могут быть применимы к докапиталистическим обществам; 2) «субстантивистский», по которому для доиндустриальной экономики, развивающейся по иным законам, чем

современный мир, необходима своя методология (работы К. Полана) и собственный понятийный инструментарий (термины *реципрокация* — циркуляция продукта между людьми в форме даров, взаимомощи и т. д., *редистрибуция* — концентрация продукта у одного из лидеров с последующим перераспределением внутри группы — «Свод этнографических понятий и терминов». М., 1986, и пр.). Этот подход, отмечают редакторы, в современной политантропологии сейчас доминирует (его, кстати, придерживаются 10 из 12 авторов сборника); 3) «марксистский», основанный на понятиях «способ производства», «классы», «эксплуатация» и т. д., выработанных К. Марксом для анализа капитализма.

Впрочем, это «для» Х. Клэссэна и П. ван де Вельде не смущает. Они призывают не боятся «эклетического оппортунизма» и смело идти на конструирование симбиотических теоретических программ. Кроме того, по их мнению, для анализа первобытной экономики к разным обществам продуктивно применять различные подходы (с. 4). Такую методологическую гибкость авторов можно только приветствовать.

Далее Х. Клэссэн и П. ван де Вельде предлагают несколько интересных конкретных моделей экономического поведения в ранних государствах (с. 4—6): 1) модель коммерческого развита — согласно ей, экономический рост является следствием стихийного саморегулирующегося возрастания процессов специализации производственной деятельности и увеличения обмена и торговли без активного вмешательства политической власти; 2) адатационная модель — в ней потребности элиты сбалансированы (или хотя бы ориентированы на это) с внутренними потребностями общества. Власть организует централизованное управление, редистрибуцию и защиту подданных, контролирует внутреннюю и внешнюю торговлю. Доходы идут как на потребление элиты и воспроизводство политических институтов, так и вкладываются в расширение внутренней экономической базы; 3) политическая модель — здесь алчные интересы и амбиции правителей доминируют над реальной экономической целесообразностью. Мобилизацию прибавочного продукта, по мнению авторов, элита осуществляет через: а) монополию на внешнюю торговлю; б) монополию на орудия труда, оружие, продукты; в) контроль над имуществом (т. е., видимо, над предметами труда) и престижными вещами.

Последующие страницы «Введения» посвящены рассмотрению конкретных способов получения элитой прибавочного продукта. Авторами последовательно рассматриваются реципрокация, редистрибуция, налоги и дань, внешняя государственная торговля и война. Уделено внимание частно-торговому сектору, который существовал в экономике многих ранних государственных образований.

Теперь кратко рассмотрим содержание статей сборника. М. Смит (с. 31—73) рассматривает общие проблемы политической экономики. Ее статья написана с ярко выраженных формалистских позиций, что отмечено даже редакторами издания. Автор полагает, что структура и динамика всех государств независимо от их стадияльного развития зависят от следующих показателей: 1) аккумуляции доходов, чтобы иметь запас материальных ресурсов для последующего потребления верхами и инвестирования государственных программ; 2) бюрократизации, т. е. создания корпуса профессиональных чиновников, чтобы контролировать решения и аккумуляцию; 3) капитализации, т. е. вкладывания аккумулированных ресурсов, чтобы впоследствии получить прибыль. В целом структура и функционирование ранних государств рассмотрены в статье с применением гипертрофированно капиталоцентричного подхода.

Следующая статья написана А. Соутхоллом (с. 75—96). Автор известен как создатель популярной в западной антропологии концепции «сегментарного государства». В настоящей работе развиваются выдвинутые им ранее положения. Статья написана с марксистских методологических позиций. Все послепервобытные докапиталистические общества рассматриваются через призму тенденций к децентрализации либо, напротив, централизации², которые сосуществуют и конкурируют в каждом социальном организме. Соответственно выделяются два типа политических образований: *централизованные* (азиатский способ производства) — с четкой системой управления, концентрированными в центре институтами власти — и *децентрализованные* (феодальный способ производства).

Особое место в концепции А. Соутхолла занимает античный способ производства (с. 87, 88). Последний рассматривается как «экстраординарная инновация», характерная только для греко-римского мира. Античный способ производства мог быть создан только в небольших социальных организациях (полисах) и уже в период расцвета Римской империи был разрушен, хотя успел заложить основу для мутации европейского пути развития. Такие взгляды на докапиталистические общества очень сходны с пониманием всемирно-исторического процесса, сформулированным ранее в работах ряда отечественных авторов (Е. М. Штаерман, Л. С. Васильев, Г. С. Киселев, Ю. В. Павленко). К сожалению, эти исследования, как и другая русскоязычная литература, не известны А. Соутхоллу, да и другим авторам сборника. Только Х. Клэссэн, которому хорошо знакомы идеи русскоязычных ученых, использует во «Введении» англоязычные статьи Л. В. Даниловой, Ю. М. Кобищанова и А. И. Першица.

Важное место в статье А. Соутхолла занимает вопрос о том, где проходит граница между «зачаточным» ранним государством и предшествующими ему формами. Автор предлагает оригинальное решение данной проблемы. Он исходит из того, что если для доклассовых обществ характерна коллективная собственность на средства производства, то для сложившихся классовых — монополия элиты на средства производства. Процесс приватизации средств производства осуществляется через зарождение символическо-ритуального неравенства в отношении к ресурсам, ритуальную монополию верхов над средствами производства, а затем замену последней реальными частнособственническими отношениями. Аналогичным образом развиваются и механизмы лидерства: от ритуально-символического представительства до независимых политических институтов. И именно в тот момент, когда элита идеологически монополизировала отношения к ресурсам и средствам производства, по мнению А. Соутхолла, можно говорить о появлении «зачаточного» раннего государства (с. 78).

Иными словами, он ведет речь о становлении того самого феномена иерархического владения средствами производства, который был назван Л. С. Васильевым «властью-собственностью»³. В результате одни и те же ресурсы реально принадлежали и общинникам, и перераспределявшей их общине, и

контролировавшему местную сеть распределения региональному управителю, и, наконец, верховному «связующему единству». На деле это значило, что теперь общине пришлось делить свои права на ресурсы с надобщинной властью, а это уже была прямая дорога к реальной приватизации. Но завершается этот процесс на следующей после раннего государства стадии — в «зрелом», по терминологии Х. Клэссэна, государстве.

Три последние статьи основаны на африканских этнографических материалах. А. Трьюборст (с. 97—107) рассматривает ранние государства Междоурья в Восточной Африке (Анкол, Буганда, Буньоро, Бурунди, Руанда). Основная проблема, поставленная в его статье, — насколько экономика этих ранних государств контролировалась и регулировалась из центра. Автор приходит к выводу, что ранние государства региона не имели хорошо интегрированной экономики. Политический контроль центральной власти над районами был минимален. Большинство мероприятий экономической деятельности хотя и проводилось от имени правителя, однако на практике его экономическая роль была объективно ограничена (но не отсутствовала). Важную роль для функционирования «политической экономики» играли ритуальные церемонии и деятельность правителя. По этой причине ранние государства региона выступают не столько как социальные организмы, имеющие внутреннюю экономическую инфраструктуру, сколько как особые «моральные системы», где короли имеют в основном ритуальную, но не экономическую власть.

Предметом анализа статьи известного социального антрополога Р. Коэна (с. 109—129) является раннее государство в доколониальном Судане. В отличие от предыдущих исследований, в которых автор рассматривал раннее государство как систему, способную противостоять распаду, в настоящей статье главное внимание уделено другим функциональным особенностям государственности. Суданское раннее государство рассматривается Р. Коэном как специфическая система распределения, в которой власть государства использовалась для адаптации к периодическим засухам. Другая сторона государственности, по Р. Коэну, — способность и готовность осуществлять грабеж и террор как внутри, так и вне государства для обеспечения доходов правящей элиты и для поддержания стабильности власти.

Тема исследования М. Тимовски (с. 131—142) — экономическая и социальная организация небольшого доколониального государства западноафриканского побережья Волоф в XV в. По мнению автора, экономика этого политического образования складывалась из внутреннего налогообложения и поступлений от внешней торговли или набегов на соседей.

Статья П. О'Брайи (с. 147—175) посвящена одному из интереснейших археологических памятников долины Миссисипи — «протогородскому» поселению Кахокия. Это самое крупное поселение в среднем течении данной реки. Его площадь 4 км². На территории поселения расположено около 100 холмов, являющихся остатками различных строительных сооружений. Приблизительная численность его населения в период расцвета оценивается специалистами в 25 тыс. человек.

Социологическая интерпретация Кахокии различна. Автор отмечает, что одни исследователи рассматривают данное поселение как «город», другие — как центр вождества (чифдом), а третьи — как государство. Сама П. О'Брайи склоняется к промежуточной точке зрения. По ее мнению, Кахокия была столицей рождающегося (gamey) государства. Экономика общества основывалась на земледелии (маис, ячмень, подсолнух). Из домашних животных была известна только собака, поэтому важную роль играли рыбная ловля и охота. Сельское население было связано со столицей распределением ресурсов. По археологическим данным, кроме столицы автор выделяет «храмово-курганные городки», деревни и хутора.

Археологические раскопки показывают степень развития ремесленного производства в Кахокии. Выясняется, что большинство ремесленников работало для удовлетворения запросов элиты (украшения, керамика). Поскольку в месте расположения Кахокии отсутствовал ряд важных ресурсов, то центральные районы общества были связаны с периферией и соседними социальными организациями сетью даннических и торгово-экономических связей. Для защиты коммуникаций строились крепостцы. Радиус обменной сети Кахокии был около 300 км. Однако Кахокии не удалось трансформироваться в сложившееся государство. После ряда военных неудач в XIII в. общество пришло в упадок, что подтверждается данными археологических исследований.

Следующие три статьи посвящены ранним государствам доколумбовой Америки. Исследование Э. Брамфел (с. 177—198) посвящено анализу роли городов в экономической структуре древних империй. По ее мнению, существуют два различных подхода к социально-экономической сущности доиндустриального города. Одни исследователи рассматривают город как административно-политический центр региона. Другие считают город региональным центром ремесленной деятельности и коммерческого обмена. Нетрудно заметить, что похожие точки зрения предлагались в ходе дискуссии о природе докапиталистического города и отечественными исследователями. Мнения, близкие к первому подходу, в разные годы высказывались О. Г. Большаковым, В. И. Гуляевым, И. М. Дьяконовым, А. В. Кузой, Ю. В. Павленко, В. А. Яковсоном и др., а вторую позицию отстаивали Э. В. Сайко, С. М. Стан, М. Н. Тихомирлов и другие авторы. Два разных взгляда, пишет Э. Брамфел, предполагают использование двух различных моделей взаимодействия города и его округа. Для первого подхода используется «даническая модель», для второго — «модель экономического обмена». На примере ацтекского города Ксальтокана (Xaltocan) автор показывает, что эти модели функционально не исключали одна другую, а скорее были тесно взаимосвязаны. Сначала Ксальтокан получал дань с округа, затем стал данником Теночтитлана. Однако потеря Ксальтоканом лидирующего положения не привела к развитию ремесленной и рыночной деятельности в городе. Коммерция постепенно затухала, и ее слабый очаг поддерживался только благодаря импульсам из столицы. Из статьи невольно напрашивается вывод, что для неевропейских обществ первая из обсуждаемых функций обладала некоторым приоритетом.

Ф. Хикс (с. 199—213) на ацтекских материалах анализирует, как изменялось внутреннее соотношение реципрокации и редистрибуции в раннегосударственной экономике. И «дар» правителю, и «дань»

входили в число различных вариантов установления отношений зависимости, но «дар» был добровольной акцией (здесь с автором можно спорить: так ли уж бескорыстны были интересы подданных?) по отношению к правителю, тогда как «дань» — насильственным мероприятием по отношению к народу. «Дар» предполагал обязательную реакцию «любым способом» (эта установка Ф. Хикса также представляется неоднозначной), тогда как при насильственном изъятии прибавочного продукта правитель не нес никаких обязательств (и здесь полностью нельзя согласиться — достаточно вспомнить обстоятельство убийства древлянами князя Игоря). Наконец, «дарообмен» сглаживал общественные антагонизмы, тогда как данничество предполагало другую идеологию, физические усилия и специфические институты.

Р. Плог (с. 215—230) рассматривает, как в империи майя сочлелись центробежные факторы, обусловленные сепаратистскими политическими причинами, с центростремительными тенденциями, вызванными необходимостью экономической кооперации (неравномерное распределение ресурсов и различных отраслей производства). Эти изменения прослеживаются им во времени.

Статья Дж. Пфаффа-Чарнецкой (с. 231—263) посвящена рассмотрению даннических отношений в Непале середины XVIII в. В начале статьи описываются усилия правителей по централизации страны, контролю над экономическими ресурсами и над субъектами производства. Показано, что фрагментарной была система экономического контроля и извлечения прибавочного продукта. Затем рассматриваются средства извлечения прибавочного продукта и контроля правительства над крестьянами и мигрирующим населением. Вторжение правителей в автономные крестьянские сообщества увеличивало количество даннических поступлений в казну, но в то же время способствовало возникновению новой местной элиты на локальном общинном уровне.

Последние две статьи посвящены сравнительному анализу политических образований доколониальной Полинезии. М. ван Бакел (с. 265—290) сравнивает Гавайи и Самоа. Гавайи предстают как более развитое общество с интенсивной сельскохозяйственной экономикой, ремесленной специализацией, рынком и торговлей, резкой социальной дифференциацией, системой даннических повинностей. В отличие от этого на Самоа экономика была более рудиментарной, вместо торговли присутствовал церемониальный обмен между кланами, социальная дифференциация только зарождалась, отсутствовали налоги и повинности. В целом автор определяет Гавайи как раннее государство, а Самоа как вождество.

Какими же критериями он руководствуется при их разграничении? Таких критериев, по М. ван Бакелу, четыре: 1) экономические различия: в вождестве экономические и социальные отношения организуются по кровнородственным линиям, а в раннем государстве важна лояльность к лидеру; 2) собственность: в раннем государстве нет производителей, которые бы имели в собственности средства производства; 3) классовые различия (хотя автор нигде в статье не использует этого термина): раннее государство резко делится на элиту и производителей пищи; 4) а власть: в чифдоме вожди обладают консенсуальным лидерством, т. е. авторитетом. В раннем государстве правители имеют монополию на использование силы (с. 284—286).

Такое расчленение представляется несколько прямолинейным. Относительно 1—3 пунктов можно привести немало примеров противоположного характера⁴. Но симптоматично другое. В зарубежной науке все настойчивее проводится мысль, что возникновение государственности являлось процессом не только усложнения социополитической организации (Э. Сервис), но и стратификацией общества на классы производителей и управителей (Р. Адамс, М. Фрид, Л. Крэйдер, Т. Эрл, Т. Паттерсон и др.). И не торопимся ли мы сейчас отбросить все, что было наработано в нашей науке за последние полвека?

Замыкает сборник статья Х. Клэссэна (с. 291—325). Его сопоставление Таити и Тонга проделано в иной плоскости. Проанализированные общества имеют примерно один уровень развития (автор относит их к ранним государствам «зачаточной» модели), но с разной экологией. Анализ демонстрирует в принципе идентичную социально-экономическую структуру сравниваемых обществ, основанную на натуральном хозяйстве, редистрибуции и идеологии асимметричной реципрокации. В числе отличий Х. Клэссэн называет степень развития внешней торговли. На Таити натуральное хозяйство тормозило развитие внутростровного обмена. Напротив, на Тонга торговля играла важную коммуникативно-интегративную роль в установлении связей между разными островами.

* * *

Завершая изложенное, хотелось бы отметить следующее. Вот уже полтора десятилетия Х. Клэссэн и круг его единомышленников будоражат своими неординарными идеями науку о становлении государственности. Благодаря его инициативе мы получили новую достаточно интересную работу в этом направлении — сборник открывает ряд перспектив там, где, казалось бы, уже давно все сказано. Думается, что для отечественных исследователей «Экономика раннего государства» будет ценна своими идеями, хотя и в багаже наших социальных антропологов зарубежные коллеги могли бы найти немало полезного. С этой точки зрения важен призыв редакторов к синтезу методологий — «различные парадигмы не должны исключать друг друга» (с. 4). И пусть пока особого диалога не получается. Важно направление поиска. В конечном счете все это будет способствовать более глубокому осмыслению вопросов генезиса и эволюции государственности, которые одинаково волнуют как отечественных исследователей, так и ученых в Европе, и Америки.

Примечания

¹ The Early State/Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague etc., 1978; The Study of the State/Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague etc., 1981; Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization/Claessen H. J. M., Van de Velde P., Smith M. E. South Hadley, 1985; Early State Dynamics/Claessen H. J. M., van de Velde P. Leiden etc., 1987.

² Следует заметить, что в отечественной науке вопрос о соотношении центробежной и центростремительной тенденций разрабатывался, в частности, В. П. Илющекимым. См.: Илющеким В. П. О феодализме в древнем Китае и двух тенденциях развития китайского государства//XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Ч. 1. М., 1981; *его же*. О двух стадиях и двух тенденциях развития государственности в старом Китае//Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

³ Васильев Л. С. Феномен власти-собственности//Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 82—83.

⁴ Куббель Л. Е. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации//Сов. этнография. 1987. № 3. С. 5—6; Васильев Л. С. Указ. раб. С. 82 сл.; Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам)//Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 108—112 и др.